

ФІЛОСОФІЯ

УДК 130.3

Валерий Евгеньевич Громов,
*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и педагогики
Государственного ВУЗ
«Национальный горный университет»*

МЕТАФИЗИКА СМЕРТНОЙ КАЗНИ*

Вопрос о допустимости смертной казни, рассмотренный с философской точки зрения, является вопросом развития морального самосознания современного общества и зрелости его нравственного качества. Это вопрос философской обоснованности доминирующих идей в отношении справедливости. Расплата, которую одобряет или не одобряет общество, осуждая убийц – это, прежде всего, показатель его нравственного здоровья и цельности.

Исследования в отношении этой меры пресечения в юридической литературе не опираются на философски продуманные основания, связаны с соображениями эмпирической целесообразности, состоянием общественного мнения или требованиями Протокола № 6 от 28 апреля 1983 года к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

Например, считается, что в условиях высокого уровня преступности смертную казнь отменять нельзя, поскольку она является несомненным устрашающим и сдерживающим фактором. Преждевременность в этом чувствительном вопросе приводит к

* В першій редакції стаття під назвою "Metaphysics of Death Penalty" надрукована у виданні: Антропологічні виміри філософських досліджень, 2017. – Вип. 11. – С. 16-22 (англійською мовою).

усилению криминальной, «теневой юстиции» и киллерству. Не последнюю роль здесь играет и общественное мнение, которое в одних странах «за», а в других «против» осуждения убийц на смерть. В любом случае с некоторым «гуманистическим» сочувствием отмечается, что идёт процесс послабления ответственности преступников за отнятые жизни, смертные приговоры не исполняются и растёт число помилований [1, с. 106-116]. Исследователь оснований применимости смертной казни в американском обществе, (где она узаконена в 38 штатах), Уэсли Кенделл в тезисах на соискание степени доктора философии также касается факторов не прямо связанных с философским анализом криминальной сущности убийства. Отмечая, что «death penalty» в США имеет разную степень социальной поддержки, этот автор указывает на обычные аргументы против смертной казни: некачественно расследованные дела, brutальный характер исполнения приговоров, международное неодобрение, религиозные убеждения и даже впечатляющее изображение раскаяний преступников в беллетристике [6, с. 1-3].

Все эти соображения, конечно, уместны в пределах юридического исследования данной проблемы. Автор, однако, за пределами всякой кровожадности, предлагает применить к ней философский подход и стремится к выявлению недостаточности её правовой интерпретации на узких эмпирических основаниях, включающих в себя и этические умонастроения. В свете криминальной сущности преднамеренного убийства, отсутствует достаточное основание, почему опираясь на общественное мнение, статистику преступности, возможность судебных ошибок или помилование со стороны высших должностных лиц могут быть отменены адекватные меры пресечения.

Сейчас смертная казнь во многих демократических странах отменена или на неё наложен мораторий. Идеологи отмены смертной казни утверждают, что она не совместима с принципами гуманности. Убийство, мол, противно человеческой натуре. Закон справедливости, который требует соответствия наказания

преступлению, должен здесь уступить принципу гуманности и искать для убийц другие санкции, например, осуждение на пожизненное заключение с правом на помилование или пересмотр приговора после отбытия определённого срока.

Мера адекватного пресечения здесь оказывается нарушенной, будто бы во имя более высокого этического принципа гуманности и милосердия. При этом идея гуманности провозглашается сейчас настолько решительно, что люди, убеждённые в оправданности смертной казни за вопиющие злодеяния теряют уверенность и стыдятся оглашать свою приверженность к этому виду наказания. Таким людям начинает казаться, что они нравственно отстали, склонны к мстительности и чего-то недопоняли в природе гуманности.

Давайте, однако, исследуем, во-первых, то, что убийство противно человеческой натуре, а во-вторых, насколько оно не совместимо с гуманностью и милосердием. Сделать это нужно именно философски, воздерживаясь от отсылки к эмпирической реальности, поскольку, если бы мы принимали её в расчёт и брали за основание, то, человек, пожалуй, безоговорочно предстал бы перед нами, прежде всего, как насильник, агрессор и истребитель всего живого.

Мы, однако, видим, что в ходе истории общества и его культурного роста варварский характер проявления злонамеренности людей неодолимо понижается. Даже если скептически полагать, что зло просто приобретает более благообразные формы, исторический опыт вражды и естественное желание безопасности показывает, что люди, так или иначе, стремятся к вытеснению жестокости и убийства из своей жизни. Миротребие, даже при ненависти к врагам, всегда было более похвальным выбором, а война средством для мира.

Вражда и мщение никогда не оформлялись в господствующие всемирно-исторические идеологии. Мировые религии, например, в лице их основателей и выдающихся учителей никогда не учили насилию как высшему принципу, а светская идеология, связанная с практикой властвования и благом социального порядка,

рассматривает насилие лишь как некое неизбежное зло, достойное сожаления. В самые мрачные времена произвола властей злодеяния совершались в тайне или под прикрытием идеи законности и всеобщего блага. Никто из вождей, рассчитывающих на поддержку общества, не станет заявлять, что он поклоняется тёмным силам даже тогда, когда их благие намерения или паранойя жизнь людей превращают в ад. Те же, для кого зло и смерть становились предметом религиозного культа вынуждены и прежде и сейчас скрывать свою деятельность в герметических обществах или сатанинских сектах.

Но достаточно ли этих соображений, чтобы считать, что насилие и убийство, противны человеческой природе, ведь их можно связать с эмпирической целесообразностью и всеобщим чувством телесной безопасности, которые вследствие этого, становятся причиной необходимости защиты жизни, борьбы за свободу и справедливость? Если мы будем принимать в расчёт только эмпирическую реальность и упрямые свидетельства истории, то, конечно, дальше представления о неизбывном противоборстве добра и зла, света и тьмы в манихейском духе нам не пойти. Тогда и гуманность, проповедуемая сейчас столь настойчиво, становится просто сентиментальностью, проявлением мягкосердечия и даже лицемерия, которые побуждают нас отрицать в сущности человека то, что в сфере нравственности ему всегда было свойственно в избытке. Факты упрямая вещь, с историей людей, которая всегда была историей насилия нельзя не считаться. Но если мы хотим разыскать в человеческой природе основание для гуманности как самооценности, а не под углом зрения практической целесообразности, эмпирические доводы будут только постоянной помехой на этом пути.

Можно ли разглядеть источник гуманности в самой сущности человека, которую мы, люди, развивая и присваивая себе в истории культуры, склоняемся к вытеснению насилия из личной и общественной жизни? На наш взгляд такое основание есть. Оно представлено укоренённой в человеке свободой, его социальностью и тем, что мы называем «метафизическим долженствованием».

Человек есть трансценденция, свобода, то есть существо, выходящее за предел природной необходимости. Своё существование, преобразуя природу активной деятельностью, он превращает в культуру, собственную онтологию. Культурное развитие разрешает противоречие между обществом и природой и людей между собой. Становление человека как свободного существа в родовом смысле означает, что он из глубины своего перманентного сущностного основания осуществляется как соискатель ненасилия, гармонии, социальной солидарности, которые несовместимы с любыми оковами.

Стремление к гуманности задаётся ему и «метафизической обязанностью», поскольку интенцию к свободе сам он в моменте своего возникновения не создаёт, – она ему просто дана, «подарена» /Хайдеггер/. Поэтому за свободу он отвечает не только перед собой, но и перед Дарителем. У человека есть некое устойчивое долженствование по отношению Создателю просто по сущности, ещё до того, как он вступает в существование со своими собственными целями.

Нужно сказать, что этот «трансцендентный проект» в отношении человека и его «вечная метафизическая ответственность» в сфере обусловленности под воздействием непосредственных жизненных интересов, людьми осознаются слабо или выливаются в искажённые формы. Человеку трудно исполнить свою сущность. По крайней мере, требуется длительная духовная эволюция, чтобы в сфере поведенческих мотиваций исходить из гуманности как абсолютного категорического императива, а не в обусловленности эмпирической целесообразностью. Тем не менее, нельзя утверждать, что в истории культуры, нет прозрений относительно такой необходимости. Сущностный фактор, осознаваемый как божественное откровение или проявление высшей мудрости, побуждающий человека к гуманности ради её собственной моральной ценности, проявился уже в конфуцианстве, даосизме, индуизме, буддизме, а затем с особой силой в христианстве и в светских идеологиях. Можно только удивляться, что привлекательность идей любви и милосердия не

угасала на протяжении столетий, сохраняя устойчивость в мире войны «всех против всех». И, конечно, они, отнюдь, не доминировали в сфере наказаний. И всё же, по мере неодолимого роста человеческого самосознания в культуре, происходит постепенное вытеснение brutальных обычаев и правовых санкций. При той не весёлой картине, которая в этом отношении в обществе наблюдается сейчас, точкой зрения прав человека и гуманности невозможно пренебречь.

Итак, как будто выходит, что с накоплением потенциала гуманности в культуре и осуждения жестокости насилие как способ решения проблем должно уйти в прошлое, а смертная казнь отменена, ибо они противны человеческому достоинству. Убивать нельзя. Это абсолютное моральное требование, которое парадоксальным образом, вопреки неизбежности непримиримых столкновений, сохранит свою императивную силу навсегда.

Можно было и не трудиться, чтобы прийти к такому всеобщему заключению, ибо Бог ясно заповедал: «не убий». Однако этот императив является только принципом, который нужно уметь применить на практике, где он постоянно нарушается в преступлениях и корректируется в наказаниях.

Гуманность как стремление людей в идеале поступать в соответствии с духом этики милосердия не может быть основой несправедливости, но проникнутая тенденцией смягчения наказания, она тяготеет к попустительству и может войти в противоречие со справедливостью. Не ослеплённая сентиментальностью, гуманность, стало быть, есть результат деления высшей этики милосердия на низшую этику равного воздаяния за содеянные преступления. Подлинная гуманность – это санкция, взывающая к духу Высшей справедливости.

Возникает видимость парадоксальной ситуации, когда в Высшей справедливости будто бы нечто убавляется и в милосердии, и в справедливости, поскольку милосердие в простоте своего принципа тяготеет к прощению, а справедливость к неотвратимости наказания. Тем не менее, нужна именно Высшая справедливость, поскольку в

преступнике виновным является не только отдельный индивид, но и весь человеческий род. Родовая вина смягчает виновность индивида, поскольку общество не приобрело ещё должной нравственности и не устранило условий, порождающих мстительность и насилие. Индивидуальная вина вызывает к осуждению, ибо преступник, нарушая законы, становится фактором социальной опасности.

Чтобы Высшая справедливость была достигнута без потерь в милосердии и в справедливости необходимо, чтобы в нравственности осуществилась заповедь – «не убий» и сложились условия соблюдения законности, которые саму эту законность постепенно лишают юридического смысла и «возвращают» в мораль. Тогда гуманность перестаёт быть милостью суда или верховного правителя, она становится доминирующим императивом всего общества. Убийства в этих условиях становятся исключительными эксцессами и здесь не могут осуждать на смерть.

Понятно, что Высшая справедливость «без потерь» – это идеал монолитной нравственности, загнанной в абсолютный принцип. Однако принцип как абстрактное выражение осуществлённого идеала имеет эвристическое значение. Для общества монолитная нравственность не достижима. Гуманность, поделённая на справедливость, становятся сложной проблемой выбора меры пресечения. Максима абсолютной морали предписывает индивиду как человеку запрет на убийство. Злодей, нарушая это тотальное повеление в обществе, где отменена смертная казнь, узурпирует право на убийство, обрекая социум на жертвоприношение. Суд сохраняет убийце жизнь из-за недопустимости убийства для человека, однако преступник, для которого такого запрета нет, перестаёт быть и человеком. Избрав убийство, преступник избрал смерть и для себя в качестве злодея. По логике отношения к убийству и его совершению убийца должен быть уничтожен, ибо он сам выносит себе смертный приговор.

Однако в суде сидят не преступники и приговоры они выносят от лица людей, которым вменена гуманность и недопустимость смертной казни. Поэтому на их долю и остаётся жертвоприношение

во имя милосердия. Многие в обществе и особенно близкие невинно убиенных жертв не согласны с оставлением жизни для злонамеренных убийц и маньяков, но они не участвуют в вынесении приговоров. Души мертвецов взывают к справедливости, а передовые юристы настаивают на гуманности в той уверенности, что у них есть преимущество человечности, подкреплённое статистикой судебных ошибок и неубывающей преступности при ужесточении наказаний. Смертная казнь, мол, не эффективна как мера сдерживания тяжких преступлений.

Однако в этой гуманности что-то не так. Неужели она достигается только в проигрыше справедливости, а Высшая справедливость обретается лишь в уступке милосердия в пользу свободы для злодеяния?

Отказ от смертного приговора кажется сильной стороной гуманности, поскольку, кроме внешнего преимущества, которое содержится в ней как моральной ценности, она в случае ослабленного наказания для убийц должна нести в себе элемент попраiania справедливости под видом благородного стоического умонастроения. Проиграв в справедливости, гуманность и для себя, и в глазах всех на свете хочет снискать себе непоколебимое моральное превосходство.

Однако гуманность, которая проигрывает в справедливости - иллюзия, обман мягкосердечия, которое не может быть выбором Высшей справедливости. Действительная, а не кажущаяся Высшая справедливость такова, что она ничего не теряет ни в гуманности, ни в справедливости. Но как это возможно в противоречии тенденций милосердия и наказания?

Рассматривая их на уровне диалектической спекуляции, нужно видеть не только противоречие, но и дополнительность, единство, тождество. Требуется осознание того, что наказание, наряду с моментом внешнего противоречия милосердию, в справедливой мере пресечения является и гуманностью. И не только по отношению к безутешным жертвам, но и преступникам. В осуждённом наказывается злодей, преступивший человеческую меру. Но в

принадлежности к человеческому роду, он получает и сострадание как жертва нравственного падения в несовершенном человечестве.

Смертная казнь не убийство, а трагический акт искупления, она возвращает убийце утраченное достоинство человека, которое он потерял при жизни, но снова обрёл в справедливой расплате. Социум, отторгнув его как злодея, снова принимает его в себя как несчастного человека. Теперь о его трагической судьбе можно сожалеть.

Общество, где не искоренены причины, для тяжких преступлений, не отменяя смертную казнь, жертвует и собой, беря на себя нелёгкое нравственное бремя исполнения приговоров. Ставя под сомнение собственную невинность, оно мужественно допускает наказание, которое отрицается на уровне всеобщего категорического императива. Преступность в её самых злодейских формах и смертная казнь являются нравственным испытанием для всех. Страдают не только жертвы, а потом их изобличённые насильники, но и всё общество. У всех есть своя доля в расплате за нарушение морального законодательства.

Жизнь без смерти не имеет абсолютной ценности. Современная риторика о гуманизме, особенно у нас, когда люди ещё далеки от практической гуманности, превращается в обман, своекорыстное манипулирование общественным сознанием. Псевдо-гуманность развращает общество, снижает его нравственное качество. Людям внушается идея абсолютной ценности жизни на фоне гипертрофированного равнодушия к их потребностям в материальном достатке, медицинском обслуживании, экологической безопасности. С другой стороны ценность жизни связывается с тем, к чему устремлено современное потребительское общество, - материальным благополучием, а в абстрактном выражении, - с телесным бессмертием.

Но принцип абсолютного благоговения перед жизнью при забвении науки, которую преподносит смерть, нравственно не однозначен. Изуверские преступления и убийство как мера пресечения признак нравственного несовершенства общества, недостатка его духовного развития, но чтобы отказаться от такой

кары нужно осуществить гуманность не риторически, а на деле. Иначе в иллюзии полного овладения человечностью неизбежно обнаружатся дефекты слепоты и опьянения галлюцинацией сентиментального благодушия, которое из благоговения перед жизнью, предаёт забвению те уроки мужества, которые только смерть способна преподать обществу, стремящемуся к гуманности.

С другой стороны, лицемерие и самообман людей в декларациях о гуманности просто очевидны. Это проявляется в тотальном равнодушии к жизни в сфере массовой культуры и, особенно, в кино, где гуманисты и поборники справедливости, вроде героев Шварценеггера, в играх со смертью, легко и, походя, истребляют сотни «плохих парней», будто они только бездушные биологические роботы. Демократический Запад, навязывая «отставшим странам» отмену смертной казни переносит убийство в сферу массовой виртуальной культуры, внедряя в общественное сознание чувство лёгкости в вопросе об уничтожении нежелательных людей.

Возражения против благоговения перед жизнью, которое, по крайней мере, в европейской ментальности связывается, прежде всего, с телесным существованием, кажутся кощунственными на фоне того трагического опыта массового истребления, который европейское сообщество накопило за свою историю и, особенно в последние столетия, когда оно поспешно заявило о своей разумности и цивилизованности. Однако культ благополучной жизни в современном потребительском обществе приобрёл такой размах, что на долю смерти осталось одно лишь ужасное, не просветлённое никакими надеждами и смыслами. Из правомочного аспекта жизни её превратили в опасного антагониста, не наполненного тем законным оправданием, которое у неё должно быть по определению дополнительности.

Смерти, конечно, не важно, что её значение недооценивают для жизни, но заблуждения людей имеют прямое воздействие на организацию их морального самосознания и нравственную практику. Отрицая, например, право общества выносить смертные приговоры, на том основании, что без воли Бога ни один волос не упадёт с

голова человека, убийц не только оправдывают, но делают исполнителями божьего правосудия. Тогда согласно божьему промыслу караются их невинные жертвы. Похоже, что человеку всегда хотелось для оправдания своей безответственности и произвола привлечь на свою сторону божественное правосудие.

Очевидно, что жизнь не только себя защищает, но и истребляет ради себя самой. Что же касается человека, то у него понятие жизни не может ограничиваться сбережением телесности, но доопределяется смыслами, в которых и телесной смерти принадлежит животворная роль.

Девиз, которым руководствуется потребительское общество – смысл жизни в ней самой, и не о чем тут больше думать. Поэтому вопреки смерти её нужно сохранять всеми возможными средствами. При этом поддерживается, конечно, телесность и именно с ней связывается бессмертие. Идеология, которая задаёт такое отношение к жизни и смерти утверждает, что человек это его тело. Такая псевдогуманная антропология прикрывается видом высшей культуры, являясь на самом деле опасным штаммом, который поражает общество бездуховностью. Она вносит в моральные мотивации людей растерянность и заблуждения, а в худших случаях приводит к притворной гуманности и лицемерию.

Литература:

1. Малько А.В. Смертная казнь: современные проблемы // «Правоведение». – № 1, - 1998. – С. 106-116.
2. Когда убивает государство. Смертная казнь против прав человека // Советское государство и право. – № 12. – 1989. – С. 127-135.
3. Карпец И.И. Высшая мера: за и против // Советское государство и право. – № 7. – 1991. – С. 49-53.
4. Квашиш В.Е. Смертная казнь в США // Государство и право. – № 9. – 1996. – С. 110.
5. Швейцер А. Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973. – 343 с.
6. Wesley E. Kendall. The Death Penalty and U.S. Foreign Policy. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. School of Global, Urban and Social Studies, RMIT University, September 2012. – 301 p.